DOI: 10.17117/na.2016.01.03.399

<http://ucom.ru/doc/na.2016.01.03.399.pdf>

Поступила (Received): 26.01.2016

Василенко А.П.

Элементы фольклора в моделях фразеогенеза (на примере русского и французского языков)

Vassilenko A.P.

Elements of folklore in Russian and French phraseological models

В статье повествуется об основных моделях построения фразеологизма (фразеогенез), говорится о том, что метафорическое основание является базовым принципом создания устойчивого оборота в языке, и на материале русского и французского языков показано, как элементы фольклора (мифы и легенды) могут стать таким мотивационным метафорическим основанием в построении образа фразеологизма

Ключевые слова: фразеологизм, фразеогенез, миф, легенда

The article focuses on the main models of idiom building. They say that metaphorical basis is the chief principle of an idiom. Based on Russian and French languages the article shows some elements of folklore (myths and legends) that can be a strong metaphorical motivation in building of phraseological units

Key words: phraseological unit, idiom building, myth, legend

Василенко Анатолий Петрович
Доктор филологических наук, профессор
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

Vassilenko Anatoly Petrovich
Doctor of Philology Sciences, Professor
Bryansk state university named I.G. Petrovsky
Bryansk, Bezhitskaya st., 14

Процесс образования фразеологизмов (фразеогенез) чаще всего протекает как метафоризация (например, [4, с. 133]), однако не следует исключать и другие пути появления устойчивых структур в языке. Формирование фразеологизма – это, как правило, картинка. Но для знаков вторичной номинации (в том числе и фразеологизмов) – это не только буквальное прочтение образа, с одной стороны, но и концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и пр., с другой, т.е. знаки национальной культуры [4, с. 192, 215].

Исходя из этого, можно выделить два основных пути возникновения устойчивых оборотов: *интралингвистический* (собственно языковой, как правило, тропы) и *экстралингвистический* (культурно-значимые сущности). Среди путей фразеогенеза наиболее интересным представляется *экстралингвистический*, поскольку он раскрывает повседневную жизнь народа, который, в свою очередь, посредством языка (фразеологизмов) запечатлевает эту непохожую на другие жизнь, давая ей свою собственную оценку.

Подобная непохожесть отражается именно во внутренней форме фразеологизма, той самой анимационной картинке, которая даёт микросюжет с

действующими или подразумеваемыми персонажами, погруженными в какую-либо ситуацию, например: *щи лаптем хлебать* (образ человека, который берёт лапоть и ест холодное кушанье), *язык до Киева доведет* (мышечный орган во рту является проводником до города Киева), *кричать на всех перекрёстках* (некто, появляясь на пересечении дорог или улиц, начинает громко говорить) и др. Такие причудливые образы формируют так называемую фразеологическую картину мира, а сами компоненты, создающие образ фразеологизма, иллюстрируют многочисленные факты былой или нынешней культуры. Поэтому в плане содержания фразеологизмов есть некоторый компонент, который может быть назван национально-культурным (об этом, например, [2, с. 96], [1, с. 255], [3, с. 303]).

Итак, *экстралингвистическая природа фразеогенеза* представлена рядом сформированных с ходом развития нации культурно-значимых сущностей, которые вложены во внутреннюю форму фразеологизма. Они, появляясь, воспроизводятся из поколения в поколение, представляя собой семиотические системы как результат человеческого самопознания и установившегося этнического мировоззрения. Эти сущности являются источниками национального достояния и служат информационным фоном, на котором воспринимается содержание фразеологизмов.

Работы сторонников теории лингвистической относительности (Э. Сэпир, Б.Л. Уорф), показывают, что структура языка, организуя человеческое восприятие и опыт, в значительной мере влияет на мировоззрение и представление о мироустройстве. Человек расчленяет «природу в направлении, подсказанным языком...» и выделяет «...в мире явлений те или иные категории и типы ...» потому, что «... мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном языковой системой, хранящейся в ... сознании» [5, с. 174].

Подобная организация впечатлений во многом типизирована, поскольку типичность (действия по образцу) обиходно-бытовых ситуаций лежит в основе миропонимания через мировидение. Фразеологизмы не составляют в этом исключение, а, скорее всего, демонстрируют эту закономерность, поскольку типичность образов, лежащих в основе идиом, – «это плод коллективного представления лингвокультурной общности о некотором групповом опыте». [4, с. 249]. К такому «групповому опыту» можно отнести такие культурно-значимые сущности, как мифы, эталоны, легенды, символы, стереотипы, ритуалы, паремиологический фонд языка, теософия, интеллектуальное достояние нации и человечества, страноведческий источник и т.п., которые являются экспонентами семиотических систем (культурных знаков) экстралингвистического характера [4, с. 239-250].

Приведем примеры тех сущностей, которые представляют элементы фольклора в экстралингвистической природе фразеогенеза, – мифы и легенды.

Миф – древняя форма познания и объяснения мира. Например, *словно леший водит* ‘кто-то заблудился, не может сориентироваться, найти дорогу’. Леший – дух леса, отличается от прочих духов особыми свойствами: он не столько вредит людям, сколько проказничает и шутит. Человек перепутал дорогу в лесу и заблудился, – леший тому вина! Чтобы найти дорогу, путник должен надеть обувь со своей правой ноги на левую и наоборот, перевернуть шапку задом

наперед, т.е. отобразить внешний вид лешего. А еще по народным воззрениям, леший служит оружием наказания человека за грехи, – говорят: *Дед Лесовик с ним разберется! Père Fouettard* (букв.: отец, который бьет кнутом) – вымышленный персонаж, которым пугают непослушных детей во Франции. Место его жительства – восток Франции. События с данным мифологическим героем разворачиваются каждый год в канун праздника св. Николя (5 – 6 декабря). По традиции, св. Николя (Николя де Мир – реальный человек, живший в начале третьего столетия н.э.) идет по домам и квартирам, где есть малышня, и несет мешок с подарками и сладостями хорошим детям, которые вели себя достойно в течение года, соблюдали религиозные приличия. Рядом с добрым Пэром Николя находится его антипод – темнолицый (как правило) Пэр Фуэтар в яркой одежде, а в мешке у него плетка и веник. Именно злой старик (а по другим представлениям, мужчина средних лет) задает трепку плохим детям, а вместо подарка вручает кусочек угля.

Легенды – презентация того, что происходило в стародавние времена, с неизбежной долей преувеличения и упоминанием богов и сверхъестественных возможностей персонажей. *Свистать как соловей-разбойник* ‘громко, пронзительно свистеть’ восходит к русской легенде о лесном чудовище, нападающем на путников и обладающем смертоносным свистом. Как показывают исторические исследования, злодей являлся реальным человеком – князем, которым брал дань у проезжающих. Свист Соловья трактуется по-разному. Одни видят в нем олицетворение губительного ветра, другие – посвист представителя разбойной силы. *Pousser des cris de Mélusine* (букв.: издавать крики Мелюзины) – ‘выкрикивать, испускать особенно пронизывающие крики’. По одной французской легенде, граф по имени Раймондин из рода Лузиньянов женился на дочери короля Шотландии и феи Пресины. Молодую жену звали Мелюзиной. На девушке было заклятие, превращавшее ее по субботам в получеловека-полузмею (по другой версии – в русалку с двумя хвостами). Мелюзина берет слово со своего мужа, что тот никогда не будет навещать ее в эти дни, однако любопытный супруг прячется в покоях и видит страшное превращение. Застигнутая мужем в облике сирены, фея испустила страшные вопли – крики Мелюзины.

Список используемых источников:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. С. 255.
2. Добровольский Д.О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизма // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. М., 1988. С. 87-98.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Либриком, 2013. С. 303.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: Монография. М., 1996. 284с. С. 133, 192, 215, 239-250.
5. Уорф Б.Л. Отношения норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 174.